

Разумеется, Ланс просто шутил. Ну, или делал вид.

Дальнейшая работа в студии пошла на удивление гладко. Все трудились не покладая рук, а чтобы избавить Джеймса от лишней неловкости, на время записи той самой, пикантной вставки парни тактично выметались в коридор, предоставляя ему полную свободу действий.

Всё складывалось как нельзя лучше.

Вот только их сумбурный творческий метод у местного продюсера по-прежнему вызывал глубокий скепсис. Для него запись альбома была процессом математически точным, сухим и сугубо техническим. Сколько групп, сокрушавших концертные залы бешеной энергетикой, бесславно ломались в этих четырех стенах! Студия не прощала фальши. Здесь не было места чистым эмоциям, не было ревушей толпы, дарящей музыкантам ответный запал. Творцы оставались один на один с глухим эхом и придирчивым взглядом человека за пультом. Процесс превращался в монотонную рутину, лишенную всякой спонтанности.

Рассказывали, что в былые времена студии звукозаписи и вовсе напоминали закрытые храмы со строжайшим уставом. Доходило до абсурда: персонал носил униформу разных цветов в зависимости от ранга, каждый шаг регламентировался, а работа велась в гнетущей, почти церковной тишине.

Слава богу, времена этих идиотов давно прошли.

И всё же для натур тонких и импульсивных запертая студия частенько превращалась в настоящую пытку.

Но Ланс, ведомый непомерными амбициями, вознамерился в корне изменить это положение вещей. Он оккупировал помещение, словно дикий зверь, помечающий границы своих владений. Парень вознамерился превратить это стерильное пространство в личный плацдарм для самых смелых экспериментов, где правила диктовал только он сам.

И работа закипела.

Сперва гитарист набросал сырой, хаотичный каркас, а затем пустил дело на самотёк, позволив группе импровизировать без оглядки на каноны, слой за слоем вплетая в полотно новые партии и случайные созвучия. Однако у каждого в команде был свой почерк, свой внутренний метроном и видение песни. Из-за этого промежуточный результат напоминал дикую, несуразную мешанину, от которой хотелось схватиться за голову.

Впрочем, Ланса этот сумбур ничуть не пугал. Запершись в студии, он провёл там трое суток кряду. Без сна и отдыха перебирая горы черновых записей, он бережно склеивал этот хаос в единое целое.

К тому моменту Джеймс, Болдуин и Тео свои партии уже отработали. Делать им в душной студии было решительно нечего, и парни, скооперировавшись, решили устроить себе заслуженную передышку. Тут как раз вовремя подвернулся Линд. Музыка его мало интересовала, помочь брату он ничем не мог и уже подумывал было уехать домой, но перспектива развеяться перевесила. Взяв на себя роль личного водителя и по совместительству телохранителя на случай внезапного наплыва фанатов, он устроил троице грандиозный трехдневный тур по самым весёлым местам Лондона.

После долгих недель изнурительной работы они наконец-то дорвались до долгожданной свободы!

Когда Джеймс наконец вспомнил о существовании своего гитариста и решил заглянуть в студию, тот уже спал без задних ног прямо на полу. Растрепанные черные пряди упали на лоб, лицо осунулось, а под глазами залегли глубокие тени. В этом изможденном виде было что-то непривычно беззащитное, почти хрупкое.

Джеймс, конечно, прекрасно знал, что, едва открыв глаза, этот парень вновь превратится в прежнего самовлюбленного и заносчивого говнюка, готового бесконечно придирается к каждой мелочи. Но сейчас в груди вокалиста — неисправимого романтика с ранимой душой — шевельнулось что-то необъяснимо нежное. Ему до безумия захотелось подойти, крепко обнять Ланса, тихонько спросить:

«Ты как, в порядке?»

Джеймсу хотелось прошептать, что он уже выложился на все сто и незачем так истязать себя.

Увы, Ланс порывов чуткой души не оценил. Стоило Джеймсу попытаться осторожно подхватить его на руки, чтобы перенести на диван, как парень мгновенно смерил его ледяным взглядом, а из уст гитариста вылетело короткое и яростное:

— Пошел на хер.

Впоследствии Ланс предпочёл намертво вычеркнуть этот позорный эпизод из своей памяти. Ибо — ради всего святого! — растрепанный, неумытый, с нечищеными зубами и дрыхнувший на грязном полу? Нет, это точно был какой-то другой человек!

Но отрицать очевидное было бесполезно. Спустя время Джеймс, заглянув на популярное телешоу, с самым умиленным и проникновенным видом поведал эту трогательную историю на всю страну.

«Ублюдок! — бесился Ланс, готовый задушить вокалиста собственными руками при первой же встрече. — Он что, решил свести меня в могилу?!»

Так или иначе, запись сингла «Ей в этом году шестнадцать» подошла к концу. Сказать по правде, с технической точки зрения трек оставлял желать лучшего. Никакой долгой подготовки, никаких изнурительных многочасовых репетиций ради идеальной синхронности. Песня звучала так, словно музыканты танцевали на тонком льду — рискованно, на грани провала, но чертовски красиво.

— Выйдет полнейшая лажа, помяните моё слово, — ворчал продюсер перед финальным прослушиванием.

Но стоило включить запись, как скепсис на его лице сменился неподдельным шоком.

Да, трек не лоснился от студийного глянца. Он был несовершенен — абсолютно несовершенен. Но рок-н-роллу и не нужна стерильная безупречность. Настоящий рок — это и есть торжество шероховатостей и надрыва. Живой, необузданный зверь, которого бессмысленно запирает в клетку ради праздного любования. Ему нужно дать волю, позволить нестись сломя голову и лишь изредка направлять пинками, если его слишком уж занесёт на повороте. Свобода и контроль должны находиться в хрупком, интуитивном балансе.

Различить, где заканчивалась тонкая режиссура Ланса и начиналась чистая, безумная импровизация, смог бы разве что умудренный опытом критик. На первый взгляд это казалось абсурдом: куча хаотичных, несочетаемых лоскутов вдруг срослась в монолитное полотно.

Наверное, всё потому, что музыка — это не сухие технологии. Она должна дышать искренностью, идти из самой глубины души, обладать собственной жизнью и первобытной силой.

Продюсер долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку. Наконец он поднял глаза на утомленного, но спокойного гитариста.

— Парень, ты, может, и сам ещё не до конца понимаешь, но вы записали хит года.

Ланс лишь снисходительно улыбнулся. В его взгляде не было и тени сомнения.

— Ошибаешься, — мягко парировал он. — Я прекрасно это знаю.

Ну каков наглец! Пожалуй, во всей Великобритании не сыскалось бы человека высокомернее.

Новая пластинка рок-группы «Планета» должна была стать их вторым официальным релизом. Как и в случае с дебютной «Гнилой клубникой», сингл выпускался в формате двухсторонней пластинки. Однако на этот раз концепция была иной: на сторонах «А» и «Б» красовался один и тот же трек, но в принципиально разном исполнении. Первую половину отдали под легкую «свистящую» версию, вторую — под взрывной «живой» вариант.

Студийную версию Джеймс записывал в абсолютно расслабленном состоянии. Он напевал, дурашливо перемигиваясь с парнями по ту сторону стекла и то и дело заходясь тихим смехом. В итоге насвистанная им мелодия вышла невероятно легкой, кокетливой и задорной. В ней сквозила чистая юношеская влюбленность, словно паренёк из соседнего двора задорно зазывал девчонку на первое свидание.

Стоило треку попасть в эфир, как радиостанции вцепились в него мертвой хваткой. О скромных единичных трансляциях в ночное время не шло и речи: песню пустили на круглосуточную ротацию, и она мгновенно оккупировала вершины хит-парадов во всех молодежных передачах.

Впрочем, версия на стороне «Б» не уступала по популярности первой. Одному богу известно, как Лансу это удалось, но он ухитрился с поразительной точностью воссоздать в студии бешеную концертную атмосферу. Кое-где он даже ненавязчиво вплел в микс реальные аудиодорожки с криками обезумевших фанатов. Сделано это было настолько тонко и органично, что у слушателя создавалось полное ощущение присутствия в ревущем зале — пластинка передавала энергетику живого выступления как минимум на две трети.

Анализируя эту ювелирную работу, Джеймс лишний раз убедился: заявления Ланса о том, будто он напрочь забыл тот безумный вечер из-за выпивки, были наглым и беспардонным враньем!

Естественно, из-за откровенного и вызывающего характера «концертный» вариант не имел ни единого шанса пробиться в чопорный радиоэфир. Понимая это, Ланс отбросил всякие условности и выкрутил агрессию звука на максимум: гитарный скрежет резал слух, а ритм-секция буквально вбивала в землю. Единственным островком относительного затишья во всём этом безумии остался записанный Джеймсом интимный фрагмент — тот самый, с прерывистым, горячим дыханием и едва уловимыми, откровенными стонами.

Благодаря стараниям звукозаписывающей компании «Миксер» пластинка мгновенно разлетелась по ночным клубам, пабам и танцполам всей страны. Теперь по вечерам в кварталах красных фонарей и молодежных тусовок из открытых дверей то и дело доносился развязный, хриплый вопль:

— Ей шестнадцать, приятель, и ты прекрасно понимаешь, о чём я!

В определённых кругах эта грязная версия стала даже популярнее официальной. Она словно озвучила потаенные желания сотен тысяч изнывающих от буйства гормонов подростков — то, о чём они думали каждую ночь, но никогда не решались произнести вслух.

Жизнь парней начала стремительно превращаться во что-то сюрреалистическое. Подумать только: шайка безвестных провинциалов из сурового северного Ливерпуля во главе с вокалистом, который на интервью и двух слов связать не мог, изъясняясь на таком жутком скаузе, что столичным журналистам требовался переводчик, внезапно устроила грандиозный переполох в самом сердце британской моды и стиля — утонченном Лондоне! Поверить в подобное было трудно, но факты говорили сами за себя.

Чертовски привлекательная внешность, яростный, бьющий наотмашь ритм их песен, эпатажные живые выступления на грани фола и ни на кого не похожие, колючие характеры — всё это в одночасье приковало к группе взгляды миллионов. Парни из «Планеты» мгновенно превратились в главных бунтарей сезона, о которых судачили на каждом углу. А следом за славой, как водится, хлынул поток заманчивых предложений от продюсеров популярнейших телешоу страны.

<http://bllate.org/book/19389/1999616>